

УДК 821.161.1-31.09

Поэтика сказа в «Бухтинах вологодских» В.И. Белова

Романова С.В.

*Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск*

В настоящей статье рассмотрено художественно-эстетическое своеобразие сказовой манеры повествования в произведении «Бухтины вологодские» В.И. Белова. В творчестве писателя сказ выступает как литературный жанр. Сказовая манера письма писателя близка к сказу фольклорному. Влияние фольклорной поэтики проявляется у Белова на всех уровнях сказа. Это дает возможность писателю отразить все стороны народной жизни, его духовного уклада. В анализируемых взаимоотношениях участников речевого акта в триаде «рассказчик–автор–слушатель» показательна идейно-художественная близость героя-рассказчика литературного рассказчику народному. Доминантой речевого поведения рассказчика явился близкий народному пониманию добродушно-ироничный юмор, утверждающий позитивное мироощущение. Сказ у В.И. Белова – это не искусная стилизация, он рождается органически из глубокого и точного знания реальной действительности, быта, нравов и обычаев народной жизни.

Ключевые слова: сказовая манера письма, триада «рассказчик–автор–слушатель», речевая манера повествования рассказчика.

(Ученые записки. – 2013. – Том 15. – С. 206–213)

The poetic of tale in “Stories of Vologda” of I. Belov

Romanova S.V.

*Educational establishment “Vitebsk State University
named after P.M. Masherov”, Vitebsk*

In the present paper the artistic and aesthetic identity of a fantastic manner of narration in his work “Stories of Vologda” of I. Belov considers. In the works of the writer tale acts as a literary genre. Fantastic style of letter writer is close to the folk tale. The influence of folk poetics manifest Belov at all levels of the fable. This gives the opportunity to the writer reflect all sides of people’s life, his spiritual way of life. In the analyzed mutual relations of participants of the speech act in the triad «storyteller–the author–the listener» the ideological and artistic proximity hero–the narrator of the literary story–teller folk. The dominant speech behavior of the narrator was close to the popular understanding kindly ironic humor, claiming a positive attitude. The tale of V.I. Belov is not clever pastiche, it is born organically from a deep and accurate knowledge of real life, everyday life, the manners and customs of the people’s life.

Key words: fantastic style of writing, triad “storyteller–author–listener”, speech style of narrative storytelling.

(Scientific notes. – 2013. – Vol. 15. – P. 206–213)

С началом 60-х годов прошлого века в русской литературе формируется особое идейно-содержательное направление, которое критики с некоторым уничижительным подтекстом окрестили «деревенской прозой».

Среди ярких представителей ее – Ф.А. Абрамов, В.Г. Распутин, В.М. Шукшин, В.П. Астафьев, Б.А. Можаев. Каждый из них по-своему осмысливал драматическую судьбу крестьянства и русской деревни, проблемы нравственности и исторической памяти народа, сохранения традиций, взаимоотношений человека и природы.

В этой когорте «деревенщиков» В.И. Белов уже первыми своими произведениями вызывал у критиков реакции самые противоположные: одни упрекали его в идеализации деревенской жизни, в утопическом желании автора вернуться к прежнему укладу, другие восхищались его способностью ярко передать одаренность и духовность русского народа, умением объективно изображать события.

Среди литературоведческих исследований творчества писателя особое место занимают монографии Ю. Селезнева [6] и Л. Ершова [3]. Авторы анализируют литературное наследие Белова в целом, прослеживая динамику творчества от самых ранних его произведений, повестей «Деревня Бердяйка», «Привычное дело», «Плотницкие рассказы», до философских по глубине обобщений истории русской деревни романа «Кануны» и очерков о народной эстетике «Лад». Литературоведы при этом подчеркивают точное знание писателем русского быта, традиций и нравов крестьянства, неразрывную связь его судьбы с судьбой народной.

Зарубежным читателям творчество В.И. Белова представили немецкий филолог В. Казак и английский ученый-литературовед Дж. Хоскинг. В своих статьях они называют писателя «знаковой фигурой в русской литературе», «летописцем советской деревни» [цит. по: 5]. Среди ведущих исследователей творчества В.И. Белова можно назвать английского ученого Джеффри Хоскинга, авто-

ра статьи «Василий Белов – летописец советской деревни», открывшего проблему прозы Белова на Западе.

Ярким образцом русской «деревенской прозы», принесшим автору широкую известность, стали повести «Привычное дело» (1966) и «Бухтины вологодские» (1969).

Критики и исследователи творчества Белова обращают внимание преимущественно на идейно-содержательную составляющую его произведений, лишь вскользь касаясь их эстетических достоинств. Поэтому предметом нашего анализа является художественно-стилевое своеобразие сказовой манеры повествования в повести «Бухтины вологодские» В.И. Белова.

Сказовая манера повествования была присуща отдельным писателям XIX в. – А.С. Пушкину, Н.В. Гоголю, Н.С. Лескову, однако исследование сказа как структурно-типологического и художественного образования началось в первые десятилетия XX в.

Отдельные признаки сказовых форм теоретически осмыслил Б.М. Эйхенбаум. Он отметил социальную обусловленность сказа, его устный, импровизационный, театрализованный характер. В.В. Виноградов определил основные структурные характеристики сказа, указав на необходимость четкого разграничения автора и повествователя. М.М. Бахтин предложил понимание сказа как установку на чужую речь [4].

Комплексное теоретическое исследование сказа как особой повествовательной формы, его художественно-эстетических функций в литературных произведениях провели авторы монографии «Поэтика сказа», вышедшей в издательстве Воронежского университета в 1978 году. В ней впервые в литературоведении теоретически обобщен опыт изучения сказа предшествующими авторами, определены типологические признаки его поэтики, проанализирован конкретный опыт использования в современной литературе.

По мнению исследователей, сказ представляет собой специфическую раз-

новидность стилизации под разговорную, художественно необработанную речь. Для реализации сказовой манеры повествования выделяется ряд приемов и типов речевого поведения в триаде «рассказчик–автор–слушатель».

Жанровая специфика сказового повествования требует разграничения повествователя, стилизованного под рассказчика, и автора. Рассказчик выступает от имени себе подобных в манере устной, демократически ориентированной речи. Независимо от того, наделен ли рассказчик индивидуальной характеристикой или нет, за ним всегда угадывается коллектив. Помимо автора и рассказчика, специфика сказовой манеры повествования предполагает наличие в системе слушателя (или читателя). Рассказчик всегда рассчитывает на сочувствие «своей» аудитории, «своего» слушателя, автору же важно, чтобы читатель воспринял повествование так, как он, автор. Единство рассказчика и слушателя, читателя и автора, а также взаимодействие внутри каждой из этих пар и обуславливают замкнутость системы сказового повествования.

Своеобразие сюжетно-композиционной организации сказа заключается в снижении роли фабульного развития. На первый план выступает образ рассказчика с его речевой манерой повествования, через которое обнаруживается его мироотношение.

В результате складываются определенные особенности речевого поведения героя-рассказчика: спонтанная и хаотичная речь, создающая иллюзию устного изложения, а также выстраивание разговорной интонации, рассчитанной на «своих» слушателей. Индивидуальными свойствами речи рассказчика являются также просторечие, диалектизмы, неграмотность, ошибочное произношение, провалы в памяти и др.

На этой теоретической и методологической основе мы приступим к предмету нашего исследования, поскольку писавшие прежде о творчестве Белова критики и литературоведы, этой стороны его стиля касались попутно, между прочим.

Цель статьи – определение художественно-эстетической функции сказовой манеры письма в повести «Бухтины вологодские» В.И. Белова.

Для реализации данной цели намечены следующие задачи:

- выделить типологические признаки сказа как особой повествовательной формы;

- проанализировать взаимоотношения участников речевого акта в триаде «рассказчик–автор–слушатель».

Материал и методы. В качестве объекта исследования мы выбрали произведение В.И. Белова «Бухтины вологодские», которое является образцом мастерства сказовой манеры повествования писателя.

Для реализации нашей цели мы обращаемся к аналитическо-описательному и конкретно-историческому методам исследования.

Результаты и их обсуждение. Само название произведения «Бухтины вологодские, завиральные в шести темах» нас подводит к мысли о формообразующем начале сказового повествования писателя. Бухтина – по толковому словарю Даля – «ложь, враки, нелепые слухи; шутка, прибаутка, красное словцо, побывальщина. Однако у Даля враль – это не только лгун, но и говорун, шутник [2].

«С бухтинами не расстаюсь, иду вдоль своей жизни», – говорит Кузьма Иванович Барахвостов [1, с. 815]. Он, главный герой произведения, исполняет в нем функции собственно рассказчика. В образе Кузьмы Ивановича В.И. Белов воссоздает цельный характер, который является воплощением народной культуры и традиций. На первый взгляд, кажется, что перед нами образ шутника и балагура, а сват Андрей характеризует Кузьму Ивановича как «плута и жулика». Однако, эта оценка, скорее выражает признание смекалки, хитрости и находчивости главного героя.

Рассказчику выпало родиться в тяжелое время, когда вечные ценности подменялись новыми понятиями, новым образом жизни: «Вижу – на белом свете дым коромыслом, ничего не поймёшь.

Бабы встали супротив мужиков, детки против родителей. Хлеба нет, вина вдоволь. Народ от работы отвык, только шумим да ждем братской помощи» [1, с. 816]. Здесь следует отметить, что голос героя-рассказчика созвучен голосу автора, его видению ситуации, аккумулирует в себе чувства народа, выражает его смятение, растерянность, страх перед происходящими переменами. И в то же время именно в нем В.И. Белов воплощает силу характера и нестигаемость, одаренность русского народа. «Бухтины» – это своего рода его «защитная реакция». Рассказчик не лишен серьезного отношения к жизни, обращаясь к «бухтинкам», он пытается сохранить спокойное и позитивное мироощущение: «с бухтинками идти веселей», «бухтина душу без вина веселит, сердце примолаживает» [1, с. 816].

В каждую «бухтинку» герой-повествователь вкладывает душу, для него – это не просто выдумка, а проживание самой жизни во всей недостающей полноте. Поэтому Кузьма Иванович с таким «надрывом» ищет якобы пропавшую, словно какую-нибудь вещь, «бухтинку». И даже в этом незамысловатом и простом эпизоде раскрывается богатство и широта души, глубина чувств и переживаний рассказчика: «Ах, ты господи... Вишь ты, что получилось. Вот беда-то! Не успел на сарай сходить, её уже нет. Пропала... Ну-ко погляди под ногами-то. Под лавкой. Нету? Хм... Виринея, а ты чего расселась, давай тоже ищи. Бухтина не иголка, должна быть. В шкапу-то глядела? За печкой? ...Надо придумать новую. Жаль, бухтинка-то была хорошая. Ядреная. Ну да куда не девается. Ах вот она, мокрохвостка!» [1, с. 855].

Народ в деревне любит Кузьму Ивановича за его веселый нрав и отношение к жизни: «Народ меня уважал. Большой и маленький. Которое – за бухтину, которое – так». Но не только и не столько за «бухтину» его уважали, а ещё и за мастеровую хватку в печном деле. Печь в быту деревенской жизни, можно сказать, главное. Именно такая хватка, смекалка, изворотливость вызывают уважение

и доверие, поэтому люди и обращаются к герою в самые трудные моменты: «Бывало, чаю сядешь попить – бегут. Посылали больше ребятишек: «Дядя Кузя, зовут!» ...Все бросаю, иду» [1, с. 840].

В любых ситуациях герой находит выход, оставаясь верным традициям и жизненному укладу в деревне. Его «смешливые» байки не противоречили взглядам, ценностям народного мировосприятия, были по-своему близки и дороги всем слушателям: «Было делов с ней-то... с кукурузой-то... Даю бабам приказ: «Поливать парным молоком! Два раза в сутки, утром и вечером! Тепла, вижу ей очень мало. Кольшек на меже вбили, солнышко на веревочку привязали... Пошла королева-то!» [1, с. 845].

За голосом Кузьмы Ивановича всегда угадывается единое с группой себе подобных людей понимание мира, общий, народный голос: «Русских печек осталось считанные единицы. Мерзнут, как воробы в крещенье, а печи подай новомодные. Холодно, и полежать, когда заболешь, негде» [1, с. 854].

Характерной чертой рассказчика является его лукаво-критическое отношение к существующим порядкам в современной деревне. Изменения, происходящие в жизненном укладе людей, затрагивают всех, а рассказчик выражает свое, якобы индивидуальное, мнение. В его речи нет сарказма, но чувствуется ирония: «Главная стычка вышла, когда вступили в колхоз... Мы все сорок хозяйств на собрание за полчаса ликвидировали. Установили одно большое и наиболее»; «Я свою агитацию двигаю дальше»; «Будешь ходить в розовой кофте», «Ребят родишь, растить не придется. Всех на государство сдадим...»; «Всем была корова добра и доила по пуду. Бывало, подойдет ко крылечку, все понимает, только не говорит... Как только стали пасти всех коров вместе, начала портиться. Избаловалась, дисциплины не признает. Бодаться выучилась, рога то и дело ломает. Скакать привыкла чуть не до князька» [1, с. 826–830].

Эта художественная роль сказа первая – характеристика персонажа, героя. «Бухтины» героя представляют собой особую форму монологической речи, основная сюжетная линия постоянно прерывается внезапными эпизодами, событиями, которые неожиданно всплывают в повествовании рассказчика. Основу сюжета составляет биография героя, которая и представлена в шести темах. Но общий тон повествования часто сбивается отдельными, не совсем логически оправданными, воспоминаниями героя. Например, герой рассказывает, как случайно женился на косоглазой невесте, а затем вводит в повествование историю о том, как они со сватом выравнивали глаза его жене. В этих сюжетных поворотах В.И. Белов оттеняет черты характера, определяющие менталитет русского человека, – мягкость, сердечность, даже покорность обстоятельствам. Сначала Кузьма Иванович растерялся, когда узнал, что невеста у него косоглазая, но со временем смирился. Душевность и любовь жены обогрели сердце мужа: «Попробую с косоглазой жить, может и ничего. С того дня Вирька да Вирька. Уж много годов с ней маюсь, а пораздумать – так вроде и хорошо...» [1, с. 823].

Отношение автора прослеживается на протяжении всего повествования, читатель чувствует симпатию писателя к герою, отсюда – нередкое созвучие их мыслей в «Бухтинах»: «Правда, она что ость в глазу. Сидишь втемную, зажмуря глаз, – не больно. Как только глаз откроешь – колется, хоть ревом реви. Так и сидим, никому глаза открывать неохота» [1, с. 831]. Конечно, здесь автор не является субъектом речи, и по отношению к нему речь повествователя воспринимается как «чужая», но полное единомыслие писателя и рассказчика легко угадывается в подобных отступлениях.

Так В.И. Белов реализует одну из основных художественных функций сказа – двухголосое повествование, которое нередко отождествляет автора и рассказчика. Хотя последний представлен здесь как комический персонаж, наделенный

собственной речевой манерой повествования.

Еще одна художественная функция сказа – косвенная характеристика слушателя, сюжетно пассивного, но в подтексте монологов Кузьмы Ивановича воспринимаемого как активного участника диалога. Так, в эпизоде, когда у рассказчика пропадает бухтинка, он говорит: «Пропала. Да нет, не Виринея. Куда Виринея денется? Кабы уехала на недельку – перекрестился бы локтем». Такая речевая ситуация предполагает слушателя. В нашем случае слушателем является собиратель фольклора, и хотя после слов Кузьмы Ивановича ответной реакции никакой не следует, мы ощущаем присутствие другого человека. Далее Кузьма продолжает свой монолог: «Чево? Никуда не поедешь? Знамо, не поедешь, такую старую и в багаж не примут, не то что своим ходом» [1, с. 855]. В.И. Белов сознательно не выстраивает диалога и здесь, но вводит прием переспрашивания, который наводит на мысль, что Виринея сначала отвечает мужу: «Никуда не поеду», а Барахвостов как бы вторит ей в этот момент: «Чево? Никуда не поедешь?».

Или, например, в другом эпизоде, где Кузьма Иванович начинает рассказывать собирателю фольклора о командированных в деревню, которые, по его мнению, делятся на три главные категории, он прерывает свое повествование фразой: «Погоди, не перебивай, все расскажу сам» [1, с. 846]. В этой речевой ситуации мы опять-таки угадываем присутствие человека, который внимательно слушает, и даже хочет принять участие в разговоре.

Рассказчик выстраивает повествование, всегда учитывая особенности своих слушателей. Диалогические отношения героя с ними развиваются при помощи разнообразных средств и приемов. Так, рассказывая о рыбалке, Кузьма Иванович обращается к собирателю фольклора: «Так вот, братец, я хоть и сделал себе хорошую уду, а ловил по своему новому способу» [1, с. 839]. Прямое обращение

«братец» указывает нам на присутствие слушателя.

Пассивно в этой роли собиратель фольклора выступает и в других эпизодах, в которых рассказчик использует риторические вопросы. Например, делаясь опытом своей службы в качестве бригадира деревни, Кузьма Иванович спрашивает: «Переходящий выпел из рук не выпускали: три года лежал в моем шкапу. Каким способом?». Подобными вопросами герой держит речевую ситуацию «под контролем», вызывая интерес к теме у слушателя. Вопросы такого характера предполагают ответ скорее не от слушателя, а от рассказчика, и Кузьма Иванович сразу же сам и отвечает: «Очень просто. В соревнованье голова нужнее всего» [1, с. 843].

Часто повествователь прибегает к употреблению конструкций с усилительными частицами и междометиями. В эпизоде, когда к главному герою стали приходить письма с «того света», чтобы готовился к смерти, Кузьма Иванович вздыхает: «Ох, не везет, только успел наладить личную жизнь» [1, с. 852].

Использование просторечных форм для выражения своего отношения к чему-либо помогает выстраивать повествование естественным способом. В сюжете, когда Кузьма Иванович решил «Николин день отгулять, вино не торопясь выпить да и умереть», попадает он на «тот свет» несвоевременно, там его еще никто не ждет. Однако, обращая на себя внимание, герой добивается своего. Только и на «тот свет» просто так не попадешь, сначала надо «сдать все анализы». Поэтому и очевидна реакция Кузьмы Бархвостова в сложившихся обстоятельствах: «Дурак, я, дурак, вишь, разговорился» [1, с. 849].

Употребление в речи обращений, переспрашиваний, риторических вопросов, междометий и других разговорных формул указывает также на хаотичное повествование рассказчика, которое воспринимается, в свою очередь, как реальное, однородное и естественное. У читателя не складывается ощущение чего-то ис-

кусственного, созданного какими-то обстоятельствами «извне».

Импровизационный характер речи героя определяет и ее лексику, и стиль. Употребление привычных словосочетаний в измененном, «неграмотном» виде, тавтология, вводные слова, инверсионные обороты создают ощущение устной речи: «Дело было в шестнадцатом году. Начал я тогда задумываться, родиться мне или погодить... И на белый свет в такое время заявляться не больно приятно: шла первая германская...» [1, с. 815], «Под осень на огородах ставят клепцы, как на зайцев. Еще ничего не созрело, а мы уже идем в поход, чужая репа испокон веку своей слаще» [1, с. 819].

Рассмотрим также индивидуальные особенности речевого поведения рассказчика. Стилеобразующей чертой характера героя-рассказчика является юмор. Но повествователь изображает жизнь не карикатурно, а во множестве ее реальных событий: «Началась общеколхозная жизнь. Мою Виринеею поставили в передовые доярки... К моему прискорбью, спать перебралась на ферму. Я как адъютант за ней следом... Все бы ладно, да сват Андрей подсатанивает: “Ты, Кузьма, только не отелись гляди. Дело ночное, ошибиться недолго”» [1, с. 827].

Народно-поэтическая манера повествования рассказчика обнаруживает себя через вкрапление в произведение фольклорных элементов.

Сам сюжет часто выстраивается, совпадая с сюжетами сказок-небылиц русского фольклора. Вот как оформлен рассказ о спивающемся медведе: «Был у меня один знакомый медведь... Тот медведь пил всю осень, до самого снега. Берлогу искать не стал, от зимней спячки отказался. «Миша, – говорю, – подумай ты головой! Войди в чувство, остановись! Вон у тебя уже и глаза посинели, глядят не в ту сторону. Похудел весь, морда опухла. Долго ли до греха? Попадешь в больницу. Либо и совсем на дороге замерзнешь». Рыло вниз опустит, молчит. Соглашается. А что толку? Люди пошли совсем бессовестные, спаивают медведя

нарошно. Сушняку воз наломает – ему стопочку для начала» [1, с. 838]. Эта небылица в устах рассказчика цель имеет явно дидактическую. Барахвостов наблюдает не один случай такого спаивания – не медведей, а соседей, среди которых есть, возможно, и Михаил. Но как он тактичен в своих воспитательных поучениях, прибегая к такому иносказанию.

От имени рассказчика встречаются в произведении частушки, анекдоты: «Меня мамушка рожала, Вся земелюшка дрожала, Тятка бегает, орет, Зимогора бог дает!» [1, с. 816], «У тальяночки ремень,

А я о дролечке ревел, Я еще бы поревел, Да товарищ не велел» [1, с. 819]; «Сапожник сидит, голенище тачает, сам рассказывает: «Вот, ребяташки, иду я вчерась из бани, гляжу, а лиска по полю попрыгивает. И прямо к церкви. Забегала на колокольню да и давай звонить. Вот бомкает, вот бомкает. Отзвонила, курицу у дьячка свистнула да и в лес. Рыжая!» [1, с. 817] и др.

Среди других стилистических приемов, восходящих к поэтике сказа, в повести также встречаются алогизмы («А давай ногами меняться! Я тебе свою укороченную, а ты мне свою длинную. Мы потому тихо идем, что ноги разные у обоих» [1, с. 832]), каламбуры («С каких позиций сиганул по окну? С улицы» [1, с. 822]).

Свое повествование рассказчик выстраивает и в разговорно-бытовой манере, которая выражается в употреблении просторечия и диалектизмов: «сивые дурь», «фулиган», «труперды», «ерепенится», «тюмы (удары)», «лошники (место, где по утрам одна за другой садятся домашние куры, чтобы снести очередное яйцо)», «вомелы (очень сильно)» и др.

Таким образом, монолог рассказчика, стилизованный под ритм разговорной речи и рассчитанный на «свою» аудиторию, имеет ряд индивидуальных особенностей, которые проявляются в народно-поэтической и разговорно-бытовой манерах повествования.

Заключение. В творчестве В.И. Белова сказ выступает как литературный жанр. Эта жанровая определенность сказа обусловлена и его близостью к сказу фольклорному. Влияние фольклорной поэтики проявляется у Белова на всех уровнях сказа: сюжетно-композиционном, стилевом, языковом и др. Повествование в такой сказовой манере неслучайно: таким образом писатель отражает все стороны народной жизни, его духовного уклада, черты национального характера. Доминантой речевого поведения рассказчика явился близкий народному пониманию добродушно-ироничный юмор, утверждающий позитивное мироощущение.

Анализ идейно-эстетического своеобразия сказовой манеры повествования в повести В.И. Белова позволяет сделать следующие выводы о творческой индивидуальности писателя. Ее определяет самобытность жизненного материала, им используемого, знание вековых русских традиций и ценностей, афористичность и искрометность народного юмора, неподдельная любовь автора к своему народу, к малой родине – вологодской земле. Сказ у писателя – это не искусная стилизация, не забота о сугубо формальных аспектах произведения. Он рождается органически из глубокого и точного знания реальной действительности, быта, нравов и обычаев народной жизни.

Литература

1. Белов, В.И. Привычное дело: повести и рассказы / В.И. Белов. – М.: «Эксмо», 2005. – 864 с.
2. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В.И. Даль. – М., 1995 (по 2 изд. Толкового словаря живого великорусского языка В.И. Даля. 1880–1882).
3. Ершов, Л.Ф. Истоки души народной: Василий Белов / Л.Ф. Ершов // Современник. – М., 1984. – С. 212–246.
4. Муценко, Е.Г. Поэтика сказа / Е.Г. Муценко, В.П. Скобелев, Л.Е. Кройчик. – Воронеж, 1978. – 284 с.
5. Овчаренко, А. Творчество В. Белова в восприятии советской и зарубежной критики /

- А. Овчаренко // Вопросы литературы. – 1983. – № 8. – С. 31–53.
6. Селезнев, Ю.И. Василий Белов: раздумья о творческой судьбе писателя / Ю.И. Селезнев. – М.: «Советская Россия», 1983. – 144 с.

Поступила в редакцию 03.06.2013 г.

Принята в печать 24.06.2013 г.